

ДОБРЫЙ СВЕТ

НАСТОЯЩИЙ художник... Его всегда представляешь влюбленным в жизнь, щедро отдающим тепло своего сердца людям. И, конечно, скромным и, конечно, в вечных поисках.

Просто — так просто, как светит солнце — дарит он людям добрый свет своего таланта.

Вот об одном таком добром свете, о том, как он зажегся, и хочется рассказать.

С САМОГО раннего детства, сколько помнит себя Маша Рышкова, в доме у них — в Миллерово, в Новочеркасске — царил всегда обстановка увлеченности песней, театром, музыкой. Ее отец, железнодорожник, жить не мог без любительских спектаклей, без пляса в малороссийской труппе, без хороших песен с друзьями и всюду, неизменно, прихватывал с собой дочку Машу. И стоит ли удивляться, что у дочери возникло желание стать артисткой. Но мама... мама была против. Она досыта хлебнула мужниной изрядной беспечности, ей хотелось дать Маше «солидную профессию». Ну, например, врача. Спокойно, проточно, никаких тру-ля-ля, куплетов, гитар.

Сначала все шло по-маминому: Маша работала наборщицей в типографии, училась на рабфаке, однако тайно участвовала в постановке драмкружком «Лельки-атаманши».

Когда из Ростова пришла путевка в театральную студию, Маша рванулась было к ней, однако материнские протесты притушили и этот порыв. И Маша поступила в Воронежский медицинский институт. Но здесь мысль, что это «не то», «не для нее», стала еще нестерпимее, не оставляла в покое ни днем, ни ночью.

И вот она переступила порог Воронежского театрального училища («вовсе не для того, чтобы бросить институт, а так, испытать себя, услышать, что не годна и успокоиться»). Страх, ожидание провала затмили все остальные чувства. За экзаменационным столом сидели любимые артисты местного драмтеатра С. Папов, А. Рощина и директор училища С. Неделин.

Ей дали исполнить этюд: «Вы только что похоронили любимого

мужа. И вдруг в книге обнаруживаете его любовную записку к другой».

Директор училища тихо, с укоризной шепчет экзаменатору: «Ну, разве в состоянии представить подобное эта девочка?».

Но она представила. Все, все сразу представила. И директор растроганно пробормотал: «Милая фантазерка».

Маше дали второй этюд, третий... Потом она прочла стихи, спела какую-то песенку... Все это — как в тумане. А когда объявили, что она со стипендией и общежитием принята в училище, Маша с ужасом подумала: «Что же я наделала? А мама?». И решила институт не бросать, а только перевелась на вечерний факультет. Но нашлись заботливые люди, которые написали маме письмо: «Маша бросила институт». Мать приехала на следующий же день. И сразу же обрушила на дочку град упреков. Но та стояла твердо на своем. Тогда мать пошла к директору училища. И получилось так, что больше слушала его, чем говорила сама. А он говорил мало понятное, но почему-то все же приятное ей: о сценической обаятельности Маши, эластичности движений, умении носить костюм («подумаешь — наука!»), вскрывать какой-то подтекст, о мелодичности голоса, щедрости образительных средств...

И мама сдалась. Скрепя сердце сдалась.

Я видел Машину маму лет пятнадцать назад на спектакле в Новочеркасском драматическом театре. Шел «Егор Булычев». Рышкова играла Шурку. Играла с душой, ярко, сочно и в глазах матери артистки было столько удивления, восторга, что они начисто сняли былые материнские заблуждения.

Училище Маша Рышкова закончила отлично и Георгий Михайлович Васильев, актер-воспитатель, взволнованно напутствовал ее перед большой театральной жизнью.

И вот — «Колхозно-совхозный театр», первая «настоящая роль»... как это ни странно — пожилой женщины в пьесе «Ольга Ивановна».

Потом война... Маша переносит раненых в санпункте, высту-

пает с концертами перед бойцами 4-го Украинского фронта. А по возвращении в Новочеркасск принимает участие в восстановлении драматического театра и затем работает в нем вместе с такими мастерами, как самообытный Василий Степанович Бардин, как артистка высокой школы Кручинина-Валуа. Здесь к Марии Григорьевне пришла первая большая удача в «Разломе» (Татьяна) и в «Обрыве» (Марфинька). А последние десять лет — Ростовский театр имени Ленинского комсомола.

ВОСЕМЬДЕСЯТ ролей за 20 лет. Беатриче в «Слуге двух господ», Татьяна во «Врагах», Луиза в «Коварстве и любви», Ольга в «Свадьбе с приданым»... И самая любимая — Аня, в пьесе «Любовь Ани Березко». Почему эта роль стала любимой? Мария Григорьевна чувствовала в пьесе дыхание жизни.

Учительница Аня доверчива, романтична, вся — ожидание счастья. И вот — столкновение с жизнью, и первые ошибки, и обманутая доверчивость, и тягчайшая расплата за нее, и силы, найденные для того, чтобы не уронить свое человеческое достоинство.

Мягкость и выразительность рисунка, высокая простота, задушевность — вот что пленило зрителей в этой работе Марии Григорьевны. Да разве только в этой! Ростовчане хорошо помнят Рышкову в «Истории одной любви» К. Симонова (Катя), в «Стряпухе» А. Софронова (Павлина), в «Сердце — не камень» А. Островского (Вера Филипповна) в «Силе любви» Ю. Чепурина (Елена) и во многих других.

ИНУЮ артистку с возрастом все больше страшит опасность утратить себя, свое полюбившееся и единственное амплуа. Такой опасности для Марии Григорьевны не существует. Это было ясно и тогда, когда 19-летней она играла пожилую женщину и стало еще яснее, когда мы увидели созданные ею сатирический, до гротеска доведенный образ Мадлен-Матрены — воинствующей мещанки в пьесе «Сиреневый сад»; жены художника Жермен Лескалье в «Шестом этаже»; двуличной, полной притворства ловкой авантюристки в «Паутине» А. Завадского и В. Молчанова.

Артистка — всегда в упорных поисках, неутомимом движении вперед и можно только позавидовать ее увлеченности, искусством, преданности ему.

Борис ИЗЮМСКИЙ.